

Михаил Маяцкий

ГВОЗДЬ И ПОДУШЕЧКА

Нас к тому приглашают и побуждают, и мы послушно строчим свои речи в жанре журналистской политэкономии или политологии, тогда как дело идет об имагологии капитала, этого мастера авто-пиара. После либерализма? Так он, оказывается, преходящ и смертен? Может быть. Но, кажется, поживучее, чем автор, субъект, метафизика, история и бог, которые монументальными трупами валяются окрест, поживучее и изобретательнее в игре имен и масок. Якобы саморегулируемый рынок, характеризовавший эпоху господства либерализма, был в действительности дотошно продуман и самым интервенционистским образом регламентирован. Теперь же, когда организмы, отвечающие за организацию и контроль на международном уровне, насквозь пропитались либеральной логикой, нас пытаются убедить, что мы вошли или вот-вот войдем в эпоху *после* либерализма. Имаго отстает от действительности ровно на тот круг, который делает не только борьбу, но и само обсуждение анахроничным.

Но нас этим не смутить. С неподдельным рвением мы готовы снова и снова склонять на все лады дилемму «свобода или организация», снова и снова ставить над собой ментальные эксперименты. Может ли абсолютно плановое хозяйство что-нибудь хорошо производить, кроме плана? Нет, не может. Может ли абсолютно свободный рынок сам себя регулировать без массовых разорений, массовой коррупции, массовых увольнений и массовых устраниений конкурентов с проворной помощью господ Калашникова и Линча? Нет, не может.

Ничья?

Наверное, вехи пролягут все же иначе. Не между инь рынка и янь регуляции, а, может быть, между материальным и виртуально-нематериальным, или просто hard и soft. Первое локализуется, второе окружает и обволакивает. Все более дешевое hard-ware приезжает на север с юга, а северное soft-ware, охраняемое патентами и адвокатами, продается за все более дорогие деньги; и продавалось бы, несомненно, за еще более дорогие, кабы не штрейкбрехерство пользователей с их бескорыстным обменом. Но и еще проще и неллицеприятнее: в среднезападном городе все труднее купить гвоздь, все проще — декоративную подушечку. За гвоздем нужно ехать — пока еще не в Китай, а всего лишь — в пригородную «индустриальную зону», тогда как подушечка в неслышанном ассортименте везде. Кто подумал о Зигмунде, подумал правильно.

Сим сказано, что карта мира отнюдь не перестала переписываться. Под шумок разговоров о плохой и хорошей глобализации экономическое перераспределение ролей становится все неумолимее. Наставший эон даст невиданные карты в руки новым восходящим звездам мирового преферанса. Наряду с относительным выравниванием уровня жизни некоторых глобальных регионов, идентификация со своим амплуа некоторых стран и регионов станет полней и необратимей. Китай и Индия решительнее вовлекут Африку в мировую игру, чем некогда европейцы. Укрепятся «средняки» среди государств, то есть вырастет число стран с относительно крепкой экономикой (но со сверхэксплуатируемым пролетариатом). Одним из следствий или сопровождающих явлений этого будет относительное снижение уровня жизни ныне развитых стран: Европы, США, Японии. Это относительное снижение будет, в частности, выражаться и в абсолютном обеднении целых категорий населения. Эти перемены повергнут верхушку среднего класса и upper class в состояние острой тревоги и пароксической готовности на любые — хоть либеральные, хоть интервенционистские — меры по стабилизации их положения, то есть удержания привилегий предыдущей эпохи. Единственным *внутренним* способом достижения этой стабилизации будет перераспил общественного пирога за счет массы среднего и всего нижнего класса.

Может быть, и *действительно*, как утверждают многочисленные его критики, либерализм в чем-то и «изживает себя», но наряду с этим *теоретическим* обстоятельством Западу (Америке-Европе-Японии) просто выгодно именно сейчас затеять разговор о необходимости регуляции, ибо пущенный на относительный самотек мировой рынок сделает из него область мира с более чем посредственным достатком и с более чем мрачными видами на будущее.

На счастье, у развитых стран есть против этого и средство *внешнее*, воистину бесценное детище глобализации — финансовый капитализм, тот, что представляется одним аспектом «общества, основанном на знании» (knowledge-based society), как его само-пиарит капитализм (см., например, официальный язык Европейского союза). А на деле он является режимом финансовой компетентности (персонифицированной в банковском служащем, сберегательно-страховом агенте и адвокате), живущим за счет того юношески-бодрого и дремуче-наивного капитализма, который все еще кондово теребит материю, не догадываясь поднять глаза к небесно-нематериальному Клондайку. Капитализм готов объявить смерть либерализма, чтобы под гвалт поминок и праздничный фейерверк победоносной критики спокойно сосредоточиться на задачах финансиаризации, той, что признает государственные границы, чтобы лучше их игнорировать.

Некогда либерализму сопротивлялись правые, консерваторы, реакционеры, защитники монархии или просто сильного государства. Сегодня же критика либерализма слева (что практически стало тавтологией) ратует за «больше государства» (а вовсе не, как некогда, за его отмирание), забывая, что и государство уже не то. А не то оно, прежде всего, потому, что не та уже экономика. Ее наконец-то в полной мере глобально-кочевой характер все более противоречит провинциальной оседлости национальной партийно-электоральной политики.

Альтернатива этой альтернативе напрашивается и давно пробивает себе дорогу: некое мировое государство, некие Соединенные Штаты Мира. Явны попытки установления такого мирового правления (world governance): ряд международных и межправительственных организаций регламентирует или пытается регламентировать экономические и политические действия государственных и негосударственных агентов. Однако непосредственным результатом этого процесса является на сегодняшний день только ускользание от контроля со стороны гражданского общества, которое в силу понятного консерватизма остается привязанным к родному языку и родным могилам. Пока что не существует мирового или хоть даже европейского гражданского сообщества, как не существует мирового или хоть даже европейского интеллектуала. Поэтому пока национальное гражданское сообщество следит за своим правительством, политика покидает национальные почвы и воспаряет в межгосударственные интермундии, оставляя в пределах национальных государств кукольный театр симуляционного политиканства. Большая или меньшая марионеточная зависимость не только от неумолимой «руки рынка», но и от анонимных решений наднациональных инстанций является — лишь теперь в полной мере и с новой силой — зависимостью от либеральных критериев и либеральных целей.

Наряду с эффективностью рынка (по крайней мере, на малых дистанциях) главным явным или неявным аргументом сторонников либерализма остается его соответствие природе человека, а значит, природе вещей вообще. Регуляция, за которой еще мреет тень реально существовавшего социализма, считается в господствующей доксе насилием по отношению к прирожденной человеку свободе, искусственной и вымороченной выдумкой. Не будем ломиться в открытые ворота и показывать слабые предпосылки этого сильного тезиса. Скажем только, что природа — как человеческая, так и вообще — несомненно, станет полем брани эпохи, в которую мы входим, то ли наивно, то ли оптимистично характеризуя ее как «послелиберализма». Раскрыв книгу человеческой природы, Маркс вычитал в ней, как известно, преимущественно промышленность и производимые ею предметы, «вторую природу» человека. «Первую», святую и неизменную, он оставил философии. Либерализм, охотно к этой, первой, апеллирующий, был бы рад, если бы рядом со старой природой, природой вообще, вдруг нашлась бы новая: в идеале — нетронутый клон Земли с еще не испытанным естеством и недрами, а по возможности и с дикарями, не нюхавшими трудового законодательства.

Время после либерализма будет — if at all — эпохой после экологической невменяемости предыдущей истории. Экономисты, выступающие против роста («анти-девелопментисты»), пребывают пока в ничтожном, хотя и в гордом меньшинстве. Надо полагать, что энергетический кризис в сочетании с вышеупомянутыми глобальными процессами пополнит их ряды. Пока же, как будто издеваясь над 11-м тезисом о Фейербахе все того же Маркса, капитализм ежедневно изменяет мир так, как и не снилось никаким коммунистам. Восславляя неизменную и неизменно-либеральную природу человека, капитализм вписывает в ее раскрытую книгу все новые «естественные» потребности, сажая на их иглу все новые массы потенциальных покупателей и акционеров.